
УДК 316.347(470.621)
ББК 60.545.1(2Рос.Ады)
Ш 16

А.Ю. Шадже,
*доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии
Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел. служ.
(8772)593984, e-mail: shadzhe@maykop.ru*

**Культурная память и этническая идентичность курдской
общины: концептуально-методологический подход***
(Рецензирована)

Аннотация. В статье анализируется взаимосвязь культурной памяти и этнической идентичности на примере курдской общины. В социокультурном контексте рассмотрены некоторые аспекты концептуальной взаимосвязи категорий памяти и идентичности в жизни этнической группы курдов. Доказан тезис о том, что личность, идентифицируя себя со своей этнической группой, реализовывает память в этнической культуре. Делается вывод о том, что в полиэтничном регионе политика, основываясь на диалоге, должна быть нацелена на сохранение каждой культурной/этнической единицы.

Ключевые слова: культура, память, этническая идентичность, курдская община, полиэтничное общество, ментальность, политика, диалог.

A.Yu. Chadje,
*Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy and Sociology Department, Adyge
State University, Maikop, ph.: (8772)593984, e-mail: Shadzhe@maykop.ru*

**Cultural memory and ethnic identity
of the Kurdish community:
conceptual and methodological approach**

Abstract. In the paper, an analysis is made of the interrelation of cultural memory and ethnic identity based on the example of the Kurdish community. Some aspects of conceptual interrelation of categories of memory and identity in life of an ethnic group of Kurds are examined in a sociocultural context. The thesis is proved that the personality, identifying itself with the ethnic group, realizes memory in ethnic culture. The conclusion is drawn that the policy in the multiethnic region, based on dialogue, has to be aimed at preservation of each cultural / ethnic unit.

Keywords: culture, memory, ethnic identity, Kurdish community, multiethnic society, mentality, policy, dialogue.

Проблема социокультурной адаптации этногруппы курдов в Адыгее активно изучается второй год участниками междисциплинарного исследовательского проекта (руководитель профессор А.Н. Соколова). Выявлена этнологическая и антропологическая специфика курдов-перселенцев, изучены экономические и социокультурные аспекты их адаптации, осуществлено социоло-

гическое измерение адаптационных вопросов; на круглых столах обсуждены проблемы школьного и дошкольного образования курдских детей, правовые и экономические аспекты адаптации курдов в Адыгее и т.д. [1].

Между тем, осмысление жизнедеятельности этногруппы, в частности анализ их социокультурной адаптации, предполагает необходимость соотнесения

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №12-06-00131 «Социокультурная адаптация курдов в Республике Адыгея и прогностика развития этногруппы».

памяти с этнокультурной идентичностью. Такое сосредоточение внимания на взаимосвязи понятий «память» и «идентичность» обусловлено тем, что рассматривается этническая группа курдов, обладающая общей культурой, т.е. ценностями, нормами, традициями и памятью. В данной работе рассмотрим некоторые аспекты концептуальной рамки взаимосвязи категорий памяти и идентичности на коллективном уровне социокультурных явлений в жизни этнической группы курдов. В этом контексте важно вспомнить созданные в первой трети XX века концепции Э. Дюркгейма, М. Хальбвакса, Дж. Мида и др., в которых осмысливается память в социокультурном смысле.

Принято считать, что и память и идентичность находятся на пересечении индивидуального и коллективного (группового), с одной стороны, и сознательного и бессознательного — с другой [2].

Представляется, что рассмотрение памяти может базироваться, по крайней мере, на двух положениях. *Во-первых*, ментальность опирается на механизмы памяти. *Во-вторых*, важно применение новых методов современной парадигмы для понимания смысла памяти в новых условиях. В рамках новой методологии — конструктивистской — можно рассмотреть человека как члена определенной социальной и этнической группы, представителя определенного общества, определенной социокультурной среды. Более того, данное методологическое положение направлено на поиск идентичности «кто я?» или «кто мы?» в определенном обществе и в современном социальном мире.

В этом контексте память можно рассматривать как некоторое отношение к другому, которое обладает специфическими формами существования и определенными способами постижения своего содержания.

Начиная с древних греков проблемой памяти интересовали многие мыслители прошлого. Обращение к проблеме памяти наблюдается в текстах древнегреческих философов и средневековых мыслителей, которые рассма-

тривали память как внутреннее, сущностное свойство человека, способное отразить, сохранить и передать последующим поколениям многообразие окружающего мира.

Американский историк А. Мегилл отмечает, что «в современном прочтении речь идет о новом виде памяти... В новом мышлении память рассматривается как объект, имеющий самостоятельную ценность, а не только как способ получения или хранения большего, чем прежде, объема знания о прошлом» [3].

В чем смысл памяти? Основной смысл памяти связывают с «опытом». «В этом эмпирическом смысле «историческая память» обозначает опыт людей, которые на самом деле участвовали в обсуждаемых исторических событиях. Точнее — историческая память обозначает восстановление и преобразование этого опыта в нарратив» [4].

Рассматривая содержание памяти, часто подменяют ее воспоминанием. Ученый Австрийской академии наук Й. Файхтингер отмечает, что в большинстве западных языков существует различие между объективной историей и историей, записанной очевидцем, равно как и между памятью и воспоминанием. Понятия «память» и «воспоминание» часто употребляются как синонимы, однако понятие памяти следует воспринимать как собирательное понятие для свойственного определенной культуре, нации, эпохе набора образов, текстов и ритуалов, благодаря культивированию которых стабилизируется ее (культуры) автопортрет, с тем, чтобы отмежеваться от другой культуры. Под воспоминанием понимаются индивидуальные или коллективные акты доступа к прошлому [5].

Безусловно, рассмотрение «парадигмы памяти» на уровне коллективного измерения способствовало появлению новых понятий «коллективная память» и «социальная память», которые используются некоторыми исследователями как синонимы.

Совершенно справедливо отмечает А. Мегилл, что «коллективная память возникает в том случае, когда множество людей участвует в одних

и тех же исторических событиях. Тогда можно говорить о том, что эти люди имеют коллективную память о данных событиях, но не в смысле некой индивидуальной памяти — поскольку нет «памяти» вне индивидов, — но в том смысле, что каждый человек имеет (в границах своего собственного сознания) образ, опыт или гештальт, который пережили также и другие люди. Кроме того, эти образы или гештальты в большой степени совпадают, иначе память не была бы «коллективной» [6].

Что касается коллективной памяти этнической группы, то вслед за Г.У. Солдатовой мы полагаем, что коллективная память ее включена в структуру этнического самосознания, содержащего представления о «древности» народа, отношение к собственной и другим этническим группам (авто- и гетеростереотипы, представления о национальном характере, этнические образы). Ее носителем является индивид, этническая идентичность которого опирается на представления об общности исторической судьбы и общности культуры «своего» народа, возникшие в результате духовного единения членов этнической группы. В процессе социализации ценности этнической группы становятся ценностными ориентациями личности, а стандарты поведения и общения, принятые в культуре, — социальными установками. Но групповая идентичность может привести к неадекватному отражению реальности. В неблагоприятной этноконтактной ситуации в действие включаются атрибутивные механизмы: при объяснении поведения представителей «другой» этнической группы переоценивается степень негативности черт характера и установок оппонента [7]. Пожалуй, это положение позволяет понять динамику этнокультурной идентичности этногруппы курдов в иноэтнической среде.

В научной литературе встречается еще понятие «социальная память». Она не является тождественной понятию «коллективная память». Социальная память — основа исторической памяти, т.е. ее социокультурное

пространство помогает определить смысл исторической памяти.

Французский ученый М.Хальбвакс утверждает, что социальная память воспринимает из «прошлого лишь то, что является жизненно важным, что поддерживается и продолжает жить в сознании той или иной группы» [8]. Он показал, что память — это социальный, а не только индивидуальный феномен; она детерминирована существующими в обществе категориями понимания.

В целях анализа памяти как ценности важно остановиться еще на социальном смысле памяти и социокультурном ценностном содержании. Сначала рассмотрим соотношение понятий «память», «традиция» и «ностальгия». Это важно, поскольку в определенных ситуациях они зачастую отождествляются.

Определим здесь традицию как передающиеся из поколения в поколение элементы социального опыта и культурного наследия («культурный текст») — нормы и образцы поведения, формы социальной организации, идеи, нравы, обычаи, обряды и ритуалы и т.д. Здесь однозначно можно сказать, что память и традиция не тождественны, они не могут подменять друг друга, но могут сосуществовать. В рамках определенной культуры и культурной традиции может быть рассмотрен и выявлен смысл памяти.

Память и ностальгия тоже не являются тождественными понятиями. Ностальгия (от греч. *nostos* — возвращение и *algos* — боль) — тоска по родине. В научной литературе встречается более широкое толкование этого понятия — как тоска по прошлому. Однако память не следует сводить только к прошлому или подменять прошлым. В памяти фиксируется значимое, т.е. смысл этого значимого. Таким значимым в жизни этногруппы курдов является память.

Память ценна тем, что она соединяет человека/группу с прошлым, формирует представление родины и чувство самосознания. Память связывает прошлое, настоящее и будущее. Прошлое зафиксировано в разных формах памяти.

Важно помнить о том, что прошлое, настоящее и будущее не взаимоисключают друг друга, а взаимодополняют. Такое понимание представляется важным и необходимым, поскольку: в поисках объединяющих начал нации свою нишу должны найти этносы со своей исторической памятью; память обязывает нас жить по-человечески, достойно. Поэтому память не только может, но и должна жить в новых условиях, творя новые смыслы в современной жизни.

В нашей ситуации, связанной с этнической группой курдов, в поисках адекватных ответов на вызовы современности, связанных с будущей судьбой не только каждого этноса, следует отметить важную роль исторической памяти. Говоря словами крупнейшего социолога Европы З. Баумана, *«мы должны помнить — но что?»* И для чего помнить?

Для созидания! Чтобы понять, каковы мы? Научили ли нас уроки истории сохранить человеческое в себе, живя в условиях кардинальной переоценки отношения ко многим вопросам человеческого бытия? Каков наш ценностный мир? Каким мы видим свое будущее? Какова связь будущего с памятью? Что может стать основой будущего общества? Это не праздные вопросы, а судьбоносные.

Не случайно эти вопросы актуализированы в контексте этнической самоидентификации в иноэтнической среде. Это явно просматривается на примере этногруппы курдов, включившихся в изменяющееся социокультурное пространство российского социума, в частности и Адыгеи. Находясь за пределами своей исторической родины, как правило, этническая группа стремится к самосохранению, с одной стороны, с другой — к интеграции в окружающее социокультурное пространство и адаптации к новой иноэтнической среде. Между тем, в ситуации с курдами ситуация остается довольно сложной и противоречивой. Хотя уровень напряженности между курдами и местным населением сквозь призму массового сознания и экспертного опроса немного снизилась, ценностно-смысловая осно-

ва жизнедеятельности остается в рамках этнической группы.

На первом этапе в фокусе исследования оказались курды в Красногвардейском районе Республики Адыгея. Наше внимание было сосредоточено на изучение культурных феноменов как маркеров этнокультурной отличительности, с одной стороны, с другой — они указывают на характер и направление процесса адаптации. В качестве методологического ориентира для определения этнокультурной отличительности нами взято положение Л.М. Дробижевой о том, что предметом этносоциологического изучения культуры являются характер ценностных, культурных ориентаций, их динамика, а также нормы, идеи, мнения, представления, которые доминируют в этнических группах [9].

Взаимодействие с принимающим полиэтничным населением, безусловно, происходит через ценности. Иерархия ценностей у той или иной этнической группы проявляется по-своему. В зависимости от ситуации меняется степень/актуальность и уровень первичных ценностей. Особенно для этнических групп, оказавшихся за пределами своей исторической Родины. А это выводит на рассмотрение социальных ценностей, которые определяют характер и направление межэтнических процессов. В связи с этим одними из ключевых понятий в нашем исследовании являются «социальные установки» и «социальные ценности».

Известно, что первые исследования ценностных ориентаций, связанные с проблемами адаптации иммигрантов, использовали У. Томас и Ф. Знанецкий при изучении жизни польских эмигрантов в США. В совместной работе «Методологические заметки» они раскрывают содержание понятий «социальные ценности» (или просто «ценности») и «личностные установки». Под социальной ценностью они понимают любой факт, имеющий доступные членам некой социальной группы эмпирическое содержание и значение, исходя из которых он есть или может стать объектом деятельности. Значение этих ценностей становится эксплицитным,

когда мы берем их в связи с другими человеческими действиями [10].

Установку они рассматривают как процесс индивидуального сознания, определяющий реальную или возможную активность индивида в социальном мире. Установка является индивидуальным двойником общественной ценности, а деятельность в любой форме выступает в роли связующего звена между ними. «Социальная ценность, воздействуя на индивидуальных членов группы, вызывает в каждом из них более или менее разный эффект; даже когда она воздействует на одного и того же индивида в разные моменты его жизни, ее влияние не единообразно» [11]. Отсюда и выводят основополагающий методологический принцип: причиной социального или личностного феномена никогда не бывает только социальный или личностный феномен, но всегда сочетание социального и личностного феноменов. Или еще точнее: причиной ценности или установки никогда не бывает только или установка, или ценность, но всегда сочетание ценности и установки.

Нетрудно заметить, что в социологических подходах к проблеме идентичности этногруппы акцент смещен в сторону социума. Именно он создает условия индивиду (или создаются самим индивидом) для солидаризации. Индивид самоопределяется в системе социальных групп и общностей. Или преломляя в плоскость идентификации, можно сказать, что идентичность означает «сходство членов одной группы». По словам В.А. Ядова, «самоидентификация — самооценка собственных личностных свойств и потенций в качестве деятельного субъекта, включая физические, нравственные, психические и иные качества, как они представляются индивиду в его собственном самосознании и в восприятии других, прежде всего со стороны референтных групп» [12].

Личностную (индивидуальную) и групповую идентичности не следует противопоставлять друг другу, они взаимосвязаны. Индивидуальная идентичность существует в процессе взаи-

мосвязи и взаимодействия с другими людьми и социальным миром. В этом сложном социальном переплетении социальных связей, изменяющихся под влиянием внешних факторов и субъективных причин, личность определяет себя, т.е. происходит самоидентификация личности. Но следует заметить, что этот процесс открыт, человек может изменить свою идентичность в процессе своей жизнедеятельности. Прав З. Бауман, утверждающий, что «вместо разговора об идентичностях, унаследованных или обретенных, более уместным и соответствующим реальностям глобализирующегося мира выглядело бы исследование *идентификации*, никогда не заканчивающейся, всегда незавершенной, неоконченной, открытой в будущее деятельности, в которую все мы по необходимости либо сознательно вовлечены» [13].

Что касается групповой идентичности, в частности этнической идентичности группы, то можно сказать о влиянии социокультурной среды на формирование личности. В качестве методологического ориентира можно взять слова П. Бергера и Т. Лукмана: «Индивиды сами конструируют идентичность в процессе взаимодействия друг с другом и строят свои личные идентичности из материала той культуры и истории, в которой они живут» [14].

Идентичность и культура взаимосвязаны. Этническая идентичность формируется в определенной культурной среде. Совершенно справедливо отмечал Д.С. Лихачев в своей работе «Искусство памяти и память искусства», что «одна из величайших основ, на которых зиждется культура, — память». В созидании культуры участвуют многие поколения людей. Культура передается из поколения в поколение, накапливается. При этом память вовсе не механична. Это важнейший творческий процесс: именно процесс и именно творческий [15].

Действительно, культура/память формирует личность, помогает идентифицировать себя с определенной социальной общностью. Профессор

Калифорнийского университета С. Бенхабиб определяет моральные, этические и оценочные составляющие культуры и подчеркивает, что «культуры представляют смысловые сети, вновь и вновь переопределяемые через слова и дела носителей». Бенхабиб пишет: «По мере накопления наших знаний о других культурах и о нас самих растут и наше ощущение относительности... Чем больше мы понимаем, тем больше способны простить, (и поэтому) в изучении человеческой культуры и общества [действует принцип: все понять — значит все простить] [16].

Важно стремление к пониманию другой культуры. С одной стороны, усвоение и понимание той или иной культуры требуют самоидентификации с ней. Определяя свою идентичность, личность вживается в другую культуру, познает ее ценности. С другой — культура является основой взаимосвязи прошлого и настоящего, идентичности и исторической памяти.

Культура помогает понять значимость памяти. Память оказывает влияние на формирование ценностно-мировоззренческих ориентаций человека, социализацию личности. Таким образом, рассмотрев понятия «память» и «идентичность» в контексте культуры, можно сделать следующий вывод. Память и идентичность не тождественны. В социокультурном контексте они взаимосвязаны и взаимозависимы.

Взаимосвязь памяти и идентичности активно проявляется в культуре. Пространство культуры представляет собой некоторое пространство памяти. Именно в культуре личность может реализовать культурную память.

Это положение может быть перенесено и в плоскость этноса. Личность, идентифицируя себя со своим этносом, этнической группой, народом, может реализовать память в этнической культуре. Знание этнических культур и межкультурный диалог помогают адаптации в иноэтничной среде и способствуют взаимопониманию друг друга.

Вывод: политика в стране и регионах должна быть направлена на сохранение каждой культурной/этнической единицы и укрепление нашего «единства в многообразии». При этом правящая элита не должна руководствоваться крайними принципами «назад к традиции» или «долой традиции». Стратегические задачи в этой сфере определены Правительством РФ в Федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)». Документ подготовлен в соответствии со Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Программа призвана обеспечить координацию государственной национальной политики, выработку региональных стратегий этнокультурного развития, поддержку диалога между органами государственной власти и общественными национальными и религиозными объединениями.

Политика межэтнических отношений и система управления межэтническими отношениями в стране и регионах нуждается в обновлении. *Во-первых*, не политика силового вмешательства, а политика мягкого воздействия на этносферу, политика направления самоорганизующихся этнокультурных процессов. *Во-вторых*, важно учитывать, тот факт, что, «неотъемлемой чертой современных человеческих сообществ и даже условием их развития является феномен культурной сложности», которая воспроизводится под воздействием разных факторов, вызывая проблемы межкультурных коммуникаций, межэтнических отношений, этнических конфликтов [18]. *В-третьих*, в научных исследованиях и политических решениях методологически слабой стороной остается использование традиционных подходов, методов классической науки и практики. Обращение к современной, постнеклассической науке позволило бы выявить новые смыслы социокультурных явлений в жизни полиэтничной российской нации.

Примечания:

1. См.: Жаде З.А., Шадже А.Ю. Социокультурная адаптация курдов в Республике Адыгея: социологический дискурс // Теория и практика общественного развития. Научный журнал. №10. Краснодар, 2012. С. 31-35; Проблемы школьного и дошкольного образования и воспитания детей курдов-переселенцев в Республике Адыгея. Материалы Круглого стола, 29 октября 2012 / Ред.-сост. А.Н. Соколова, ред. Жаде З.А., Шадже А.Ю. Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2012; Шадже А.Ю. Этногруппа курдов Адыгеи в парадигме «адаптация-интеграция» // Социально-гуманитарные знания. М., 2013. №4. С.285-296 и др.
2. См.: Разлогов К.Э. Память и идентичность // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: Коллективная монография / Рос. Ин-т культурологи; отв. ред. Н.А. Кочеляева. — М.: Совпадение, 2012; Рикер П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004; Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007 и др.
3. Мегилл А. Историческая эпистемология: Научная монография (перевод Кукарцевой М., Кашаева В., Тимонина В.). М., 2007. С.94.
4. Там же. С. 112.
5. Файхтингер Й. По ту сторону методичного национализма. Перспективы культуры, исторической памяти и идентичности в Европе // Вопросы философии. 2007. №9. С.37.
6. Мегилл А. Указ. Соч.С. 113.
7. См.: Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
8. Halbwachs M. Das kollektive Gedachtnis / Mit einem Geleitwort von Prof. Dr.H.Maus Marburg, 1967. S. 68.
9. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Кондратьев В.С., Сусоколов А.А. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования. — М., 1984. — С.135.
10. Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки // Американская социологическая мысль. Тексты. — М., 1994. — С.343-344.
11. Там же. — С.348.
12. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности // Психология самосознания. Самара, 200. С. 597.
13. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 192.
14. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С.85.
15. Лихачев Д.С. Искусство памяти и память искусства // Критика и время: литературно-критический. Сборник. Л., 1984. С. 68.
16. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2005. С. 47, 40.
17. Тишков В.А. Российская полиэтничность в мировом контексте // X Конгресс этнографов и антропологов России. Москва, 2-5 июля 2013. Тезисы докладов. М., 2013. С. XLV.

References:

1. Zhade Z.A., Shadzhe A.Yu. Sociocultural adaptation of the Kurds in the Republic of Adygheya: a sociological discourse // Theory and practice of public development: a scient. journal. Krasnodar, 2012. No. 10. P. 31-35; Problems of the school and preschool education and the education of the Kurdish immigrants' children in the Republic of Adygheya: materials of the Round table, 29 Oct. 2012 / ed. and comp. by A.N. Sokolova, ed. by Z.A. Zhade, A.Yu. Shadzhe. Maikop: Magarin O.G., 2012; Shadzhe A.Yu. The ethnic group of the Kurds of Adygheya in the paradigm of «adaptation integration» // Social and humanitarian knowledge. 2013. No. 4. P. 285-296, etc.
2. Razlogov K.E. Memory and identity // Cultural memory in the context of formation of the national identity of Russia in the XXI century: a collective monograph / the managing ed. is N.A. Kochelyaev. M.: Sovpadenie, 2012; Rikoer P. Memory, history, oblivion. M.: The publishing house of humanit. lit. 2004; Halbwachs M. The social frameworks of memory. M.: A new publishing house, 2007, etc.
3. Megill A. Historical epistemology: a scient. monograph / transl. by M. Kukartseva, V. Kashayeva, V. Timonina. M., 2007. P. 94.
4. Ibidem. P. 112.
5. Feichtinger J. On the other side of methodical nationalism. Prospects of culture, historical memory and identity in Europe // Philosophy Problems. 2007. No. 9. P. 37.
6. Megill A. The mentioned work. P. 113.
7. Soldatova G.U. Psychology of interethnic tension. M., 1998.

-
8. Halbwachs M. Das kollektive Gedachtnis/Mit einem Geleitwort von Prof. Dr. H. Maus. Marburg, 1967. S. 68.
 9. Ethnic sociology: goals, methods and some results of research / Yu.V. Arutyunyan [etc.]. M., 1984. P. 135.
 10. Thomas U., Znanetsky F. Methodological notes // The American sociological thought. M., 1994. P. 343-344.
 11. Ibidem. P. 348.
 12. Yadov V.A. Social and socio-psychological mechanisms of formation of social identity // Psychology of self-consciousness. Samara, 2000. P. 597.
 13. Bauman Z. The individualized society. M. 2002. P. 192.
 14. Berger P., Luckmann T. The social construction of reality. The treatise on knowledge sociology. M., 1995. P. 85.
 15. Likhachev D.S. The art of memory and the memory of art // Criticism and time: lit. and crit. coll. L. 1984. P. 68.
 16. Benkhabib S. The claims of culture. Equality and diversity in the global era. M., 2005. P. 47, 40.
 17. Tishkov V.A. The Russian polyethnicity in the world context // The X-th Congress of ethnographers and anthropologists of Russia, Moscow, July 2-5, 2013: the theses of reports. M., 2013. P. XLV.